

К ВОПРОСУ ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТИ РАССКАЗОВ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Принято считать, что экзистенциализм потерял свою силу и исчез как направление в философии и литературе уже к концу 50-х г.г. прошлого столетия. На наш взгляд, правомерно говорить об экзистенциальном типе сознания писателей и на современном этапе развития русской литературы. В. Заманская говорит о том, что в России не было возможности для развития экзистенциализма в аналогичный с западным период времени: «В России такой меры «воплощенности» экзистенциальная ветвь не достигла в связи со многими субъективными и объективными обстоятельствами. В частности, с тем, что с середины 1930-х годов тоталитарный режим насаждал *политизированный тип сознания*» [2; 98]. Однако среди первых экзистенциалистов в русской литературе называют еще Ф. М. Достоевского. Именно с его именем и именами Л.И. Шестова, Н. А. Бердяева связаны особенности развития экзистенциального типа сознания в литературе России. «Возникновение экзистенциальной философии в России абсолютно независимо от западноевропейской традиции экзистенциализма. Она есть естественное и своеобразное выражение русской духовности. Русский экзистенциализм глубоко спаян с традиционными особенностями отечественной философской мысли – со стремлением к наиболее конкретному постижению жизни и жизненности познания, с нацеленностью на обнаружение и осуществление правды, которая рассматривается не в отвлеченном контексте, но в качестве органического единства онтологического, гносеологического и этического аспектов в истине. К этому можно добавить, что русской философии и вообще всей отечественной культуре свойственна экзистенциальная направленность духа – направленность на максимальную конкретность и целостность в отношении к бытию». [2; 99]. Поскольку именно в произведениях Ф.М.Достоевского, по мнению исследователей, наиболее ярко представлены черты русского экзистенциализма, необходимо выделить его отличительные черты, опираясь именно на традиции классика русской литературы. В своем автореферате С.Г. Черепанов отмечает: «Ближе всего к интерпретации взглядов Достоевского в качестве экзистенциального мировоззрения подошел Н. А. Бердяев. Главным образом он обращает внимание на антропоцентризм писателя. Исходя из глубин жизни человеческого духа, из его внутренней динамики, Достоевский вскрывает метафизические пласты бытия человека, - полагает Бердяев, - а потому все творчество писателя проникнуто антропологической проблематикой и глубокой тревогой за исторические судьбы мира».[7]

Другая исследовательница Рюмшина Л.И. считает, что «определяющим для русского экзистенциализма является любовь как сострадание, милосердие, жалость, жертвенность, при которой другой наделяется безусловной ценностью как творение Бога. Любовь - положительная творческая сила. Она и от свободы, ибо нельзя принудить любить кого бы то ни было, но это не имеет отношения к нерелигиозному гуманизму, абсолютизирующему свободу и самодостаточность человека, что делает его независимым от других. Единичный человек, согласно русским мыслителям, не может реализовать себя в Бытие иначе как сообща, со всем миром» [4]. Она утверждает, что ключевым для понимания русского экзистенциализма является неотделимость «Я» от социального контекста, взаимоотношений с другими людьми. Кроме того, необходимо отметить, что русский экзистенциализм, представленный творчеством Ф.М.Достоевского, принято считать религиозным, христианским. У человека есть выбор, но этот выбор сводится к следующему: быть с Богом или без него. В. Заманская пишет: «Экзистенциальное мироощущение Достоевского и Ницше в 1923 г. характеризует Н. Бердяев: «Они познали, что страшно свободен человек и что свобода эта трагична, возлагает бремя и страдание». [2; 109] Ценностные рамки и ориентиры начала века несколько сдвинулись, и становится правомерным говорить об ином определении экзистенции человека. С.Франк отмечал, что новую историю отличает «...вера в человека как такового — в человека как бы предоставленного самому себе и взятого в отрыве от всего остального и в противопоставлении всему остальному — в отличие от того христианского понимания человека, в котором человек воспринимается в его отношении к Богу и в его связи с Богом» [6; 395]. Ценностная переориентация характерна и для начала XXI ст., и последнее высказывание, как нам представляется, вполне отражает картину настоящего. «Николай Бердяев открыл в творчестве Достоевского так называемые вечные вопросы бытия: что есть человек, что значат для него добро и зло, свобода и страх, как и почему он выбирает свой путь, насколько он волен в этом выборе. Вечные или, как их точно назвал Николай Бердяев, «проклятые вопросы» человечества неоднократно поднимались великими мыслителями разных времен и народов». [3]

Что касается интересующего нас периода времени (конец 80-х г.г. XXст. – и по сей день), в который работала и продолжает работать Татьяна Толстая, предпосылок для продуктивности экзистенциального метода в литературе более, чем достаточно. «В XX столетии эти «проклятые вопросы» получили название смысложизненных, а философия, отвергнувшая с таким трудом отвоеванный у ханжества и невежества научный путь их познания, – экзистенциальной». [3]

Однако, говорить о том, что такой метод можно назвать «русским», неправомерно: слишком далек он от «русского экзистенциализма» Достоевского, при этом исторические, социально-нравственные реалии таковы (множество локальных войн, террористические акты по всему миру,

расширение и «стирание» границ за счет Интернета, развития все новых и новых информационных технологий и т.д.), что «консервирование» в рамках одной национальной литературы какого-либо метода становится невозможным. В силу тех же причин на первый план в литературе выходят проблемы (темы) ценности человеческой жизни, выбора (в самом широком смысле), борьбы духовности (Бога) с бездуховностью, - т.е. те проблемы, которые принято считать экзистенциальными. Одним из первых вопросов из разряда вечных и главных вопросов бытия человека в мире, поднятых в экзистенциализме, явился конфликт разума и веры. Татьяна Толстая, как один из оригинальных представителей русской литературы конца XX ст., не могла не затронуть этих тем. Они прослеживаются у неё как в художественных произведениях, так и публицистике (связь между которыми в рамках постмодернизма тоже довольно тесная). Правда, названия сборников её рассказов и самих рассказов не ориентируют на экзистенциальное мировоззрение писательницы. Однако, при более детальном рассмотрении текстов это становится очевидным. С одной стороны, в названия сборников вынесены понятные всем символы (архетипы): «День», «Ночь», «Река». С другой стороны, сами символы несут в себе экзистенциальное значение: ночь сменяет день, из них складываются годы, так продолжается жизнь.

Необходимо отметить, что архетипы относятся не к экзистенциальному, а мифологическому типу сознания. Эти два типа считаются наиболее далекими друг от друга, если не противоположными, типами сознания. В. Заманская отмечает: «Если мифологический тип сознания отражает ранний возраст человеческого мышления, синкретическое восприятие мира (это «первоначально недифференцированное» восприятие мира), то экзистенциальное сознание – это сознание пика цивилизации, кульминация человеческого мышления и прогресса, оно отмечено конфликтом, разладом человека с миром, людьми и собой, оно отчужденно и дисгармонично, разорвано и катастрофично. Вместе с тем мифологическое метасознание и метасознание экзистенциальное имеют немало точек существенного соприкосновения. Они – в вечном, надсоциальном, надполитическом общечеловеческом содержании. Иное дело, взгляд на эти проблемы: утверждающе – героический пафос античной мифологии и дегероизация, деперсонализация экзистенциального сознания. Оба типа сознания интегрируют философское и эстетическое осмысление мира. «Проблематика экзистенциализма сродни вечным темам искусства: человеческое существование, смысл жизни, ответственность за свою судьбу, свобода и т.д... Общее отношение к научной философской традиции является... переориентацией на эстетическое сознание».[2; 113] В общекультурном пространстве эти два типа сознания часто смыкаются, взаимопроникают».

Именно такое явление мы можем наблюдать в творчестве Татьяны Толстой. Это становится заметным, если детально рассматривать образы

пространства, которые писательница создаетю в своих рассказах. Обратимся к некоторым из них, среди которых выделяется образ *воды, реки* в частности.

Река – символ амбивалентный. С одной стороны, это символ плодородия, созидания, с другой, – разрушения, препятствия, границы между миром реальным и загробным. Ганс Бидерманн в своей «Энциклопедии символов» отметил: «В христианстве четыре реки рая, истекающие из одной скалы, символизируют четыре Евангелия, идущие от Христа, а также являются метафорой божественной энергии и духовной пищи, которые подпитывают всю Вселенную. Эти «реки воды жизни» таинственно подмешиваются к водам земли и подслащивают их горечь». [1] Амбивалентность символа позволяет говорить о той свободе выбора, за которую, согласно экзистенциальному мировоззрению, человек должен нести ответственность. Татьяна Толстая обращается к разным значениям этого архетипа. В рассказе «Река Оккервиль» остановка с таким названием превращается в своего рода пограничную полосу между мечтой и реальностью. Главный герой делает выбор, за который сам несет полную ответственность. Возможно, он становится менее счастливым, разрушив свою мечту о прекрасной певице Вере Васильевне, но писательница показывает, что и за этой чертой, без мечты, жизнь продолжается.

Еще один символ, несущий в себе экзистенциальное значение, – *круг*. У Толстой есть рассказ с одноименным названием. Круг, кольцо не имеет ни начала, ни конца, а потому символизирует единство, бесконечность (и жизни тоже). Неслучайно героем этого рассказ становится пожилой уже человек Василий Михайлович. Как и в других рассказах, где в центре внимания оказываются старики, читателю предоставляется возможность проследить всю жизнь этого человека через воспоминание. У каждого из пожилых персонажей есть момент, в который они должны были сделать выбор, а вся последующая жизнь – это ответственность за тот выбор. Читателю представляется уникальная возможность понаблюдать за результатом такого выбора, поразмышлять над тем, как сложилась бы жизнь героя, поступив он по-другому, и сделать выводы. Так, перед выбором стоял Василий Михайлович, когда выбирал изменять жене или нет («Круг»). Выбор сделала и Александра Эрнестовна, когда решила остаться с мужем, а не ехать в Крым к Ивану Николаевичу («Милая Шура»). Выбор был у Сони из одноименного рассказа, спасти от смерти Аду или остаться в живых самой в условиях блокадного Ленинграда, выбирать – прекратить свою жестокую шутку над Соней или вести игру дальше могла и Ада.

Татьяна Толстая все время как бы испытывает своих героев выбором, даже если этот выбор не сразу очевиден. Так, Женечка из рассказа «Самая любимая» сделала свой выбор еще в самом начале жизни-карьеры: она всю себя отдала своим воспитанникам, не создав при этом собственной семьи. Мамочка из рассказа «Ночь» тоже сделала свой выбор воспитывать сына с синдромом Дауна, а не отдать его в специнтернат. Такое испытание выбором

характерно для творчества писателей-экзистенциалистов в целом. Разница в том, *что* западные писатели вкладывали в понятие выбора, и *что* означал выбор для русских экзистенциалистов. У Достоевского, например, «выбор всегда обострен: или Добро и Бог, или Зло и Дьявол. Полюса выбора обозначены четко и неразрывно связаны с требованиями христианской морали» [2] Будучи верующим человеком (Татьяна Толстая неоднократно говорила об этом в интервью), в своем творчестве она не предлагает столь категоричный выбор. «У Достоевского не может быть оправдан доносчик, лицемер, тем более предатель. А в литературе западного экзистенциализма, далеко ушедшего от христианских идеалов, предатель, если не оправдан, то и не осужден автором. Человек осуществляет свой выбор, не имея внешних по отношению к себе нравственных ориентиров, и потому граница между подвигом и предательством оказывается размытой» [там же]. Такая же черта характерна и для рассказов Татьяны Толстой. Показательным примером этому может служить рассказы «Пламень небесный», «Чистый лист». Она не осуждает ни Дмитрия Ильича, который напрасно обвинил Коробейникова в том, чего тот не делал, с целью повернуть внимание на себя. Она не осуждает и Ольгу Михайловну, которая поверила всей неправде о Коробейникове, и даже после того, как открылась истина, продолжала оправдывать Дмитрия Ильича, вместо того, чтобы извиниться перед Коробейниковым («Пламень небесный»). Об отношении автора к описываемой ситуации могут свидетельствовать лишь некоторые детали: у сидящих и мирно пьющих чай на веранде отдыхающих «глаза ястребиные», что не предвещает ничего хорошего. Да и сам образ «пламени небесного» ассоциируется с небесной карой. Татьяна Толстая, как мастер деталей, объединила в этом названии целый ассоциативный ряд: известны факты в истории, когда пролетающую над землей комету с огненным хвостом («пламень небесный»), воспринимали как предзнаменование ужасных событий. Не случайно по мере разворачивания событий в рассказе сам Коробейников, увлекающийся НЛО и пришельцами, указывает на степень накала ситуации. В начале рассказа, когда Коробейников только познакомился с компанией дачников и развлекал их своими историями о НЛО, он сообщил, что «под Ленинградом небо светилось, почему - неизвестно» [5;172]. Когда же ничего не подозревающий, но оклеветанный Дмитрием Ильичем Коробейников приходит в гости к Ольге Михайловне в очередной раз, он «бормочет о том, что вот случай был: над Петрозаводском в один прекрасный ясный вечер исказились небеса и сошел пламень небесный, нестерпимой силы столп, и стало светло как днем, а в небе метались багровые полосы, и все это хозяйство сверкало и трепетало, и что бы это могло значить?» [5; 180]. Коробейников не знает, почему изменилось к нему отношение таким непонятным образом, но он чувствует это, и последний вопрос не столько о самом пламени, сколько о сложившейся ситуации. Когда ситуация проясняется и Дмитрий Ильич театрально просит у всех прощения, компания дачников с радостью прощает его, но при этом все равно не хочет видеть Коробейникова. Проступок Дмитрия Ильича для них –

всего лишь шалость, но эта шалость вскрыла стадный инстинкт «долга» «честных» людей затравить «виновного», инстинкт, сродни тому, который лежал в основе сжигания на кострах инквизиции, без доказательств и разбирательства. Татьяна Толстая ставит своих героев в ситуацию выбора, выбора на грани человечности и бесчеловечности, выбора пойти за толпой или найти в себе силы остаться при своем мнении. Именно поэтому, когда правда становится очевидной, Коробейников стал для компании, и Ольги Михайловны в частности, тем самым «пламенем небесным»: его нельзя не заметить, он виден отовсюду и о нем нельзя забыть, пока он есть. Это – неудобство, напоминание о том, что они неправы и жестоки: «Ольга Михайловна с ненавистью смотрит на Коробейникова [...] Да, она, как честный человек, откровенно признается самой себе, что она хочет, чтобы он умер. Вот так. И всем будет спокойней» [5;187]. Татьяна Толстая старается не осуждать своих персонажей. Более того, она раскрывает логику их поступков, не оправдывая, но объясняя их действия. И все-таки финал рассказа оставляет надежду на справедливость: «Скоро, уже скоро. Хорошо бы до конца лета. Она долго стоит и смотрит, как бледный огонь фонаря пересчитывает больничные стволы берез, как смыкается световой коридор, как сгущается тьма, как во тьме пламень небесный вслепую нашаривает свою жертву» [5; 188] Тьма сгущается, но автор предлагает читателям определить, над кем именно, кого покарает пламень небесный. Татьяна Толстая оставляет право выбора не только за своими героями, но и за читателем.

Таким образом, нельзя утверждать, что экзистенциальные традиции не развивались в русской литературе и существовали раньше и развиваются сейчас. Творчество Татьяны Толстой, хотя она и ближе традициям западного экзистенциализма, убедительный тому пример. Проблематика рассказов, образы (особенно образы-символы), говорят о том, что автору близко мироощущение экзистенциалистов. Поскольку философская основа писательницы практически не исследована, данный аспект творчества Татьяны Толстой требует детального и многоаспектного изучения.

Литература

1. Бидерман Ганс. Энциклопедия символов: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Свенцицкой И.С. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
2. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 302 с.
3. Николаевская Т.Е. Достоевский и Бердяев. «Проклятые» вопросы Достоевского в европейском экзистенциализме // Вопросы философии. 16 ноября 2005.
http://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1132101372&archive=1208465572&start_from=&ucat=1&
4. Рюмина Л.И. Русский экзистенциализм: учет национальных особенностей при анализе психологических явлений // Пятая

всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. 2013.

<http://existancepsychology.narod.ru/7.htm>

5. Толстая Т. Ночь. – М.: Эксмо, 2007.
6. Франк С. Достоевский и кризис гуманизма. (К 50 летию дня смерти Достоевского) // О Достоевском. – М., 1990. – С. 391-397.
7. Черепанов С.Г. Русские версии экзистенциализма. Историко-философский анализ: автореферат, дис. канд. филос. наук: 09.00.11. / С.Г. Черепанов. – Екатеринбург, 2002. 23 с.

Анотація

У статі розглядається синтез міфологічності й екзистенціальності в оповіданнях Тетяни Толстої. Проте якщо про архетипи у творчості Толстої говорять різні дослідники, про екзистенціальність її творів й досі дискутують. У статі зіставляються західний і російський екзистенціалізм, а також яким чином він відображається у літературі. На прикладі образів-символів, сюжетних ліній оповідань Тетяни Толстої була зроблена спроба довести необґрунтованість припущення про те, що екзистенціалізм втратив свою силу і зник як напрям у філософії і літературі вже наприкінці 50-х р.р. минулого століття.

Ключові слова: екзистенціалізм західний та російський, міфологічний тип свідомості, архетипи, символи.

Аннотация

В статье рассматривается синтез мифологичности и экзистенциальности в рассказах Татьяны Толстой. Но если об архетипах в творчестве Толстой говорят многие исследователи, вопрос экзистенциальности её произведений носит дискуссионный характер. В статье сопоставляется западный и русский экзистенциализм и то, каким образом он отражается в художественной литературе. На примере образов-символов, сюжетных линий из рассказов Толстой сделана попытка доказать необоснованность предположения о том, что экзистенциализм потерял свою силу и исчез как направление в философии и литературе уже к концу 50-х г.г. прошлого столетия.

Ключевые слова: экзистенциализм западный и русский, мифологический тип сознания, архетипы, символы.

Summary

The given article is an attempt to analyze the synthesis of existentialism and mythology in Tatyana Tolstaya's short stories. The archetypes in her prose do not raise doubts among researches but the statement about existentialism is rather divergent. Both Western and Russian existentialism are compared in the article and the way it is reflected in the literature. Having taken the images-symbols, the topical lines of Tatyana Tolstaya's short stories the attempt to prove that

existentialism is still present in modern literature despite the assumption that it disappeared in the 50-s of XX century.

Key words: Western and Russian existentialism, mythology, archetypes, symbols.